

Бигельды ГАБДУЛЛИН

МАРАЛЬ¹
(ОПАСЕН, НО НЕВИНОВЕН)

Судебный роман

*Судьба – не случайность,
 а предмет выбора;
 её не ожидают, а завоевывают.*
 У. Брайан

Часть первая

В ЗЕМНОМ АДУ

Пролог

Шеф спецслужбы РК Кайрат Аминов был настроен решительно и готовился к встрече с руководителем Антикоррупционной службы Ермеком Алдамжаровым, которого ждал с минуты на минуту. Разговор предстоял серьезный, надо было решить вопрос об одном известном медиаменеджере, журналисте Хангельды Жумабаеве, которого следовало проучить, а если надо, и оградить от общества на неопределенный срок. В последнее время в его СМИ печатали расследования, разоблачающие видных чиновников и их миллиардные махинации. Многие из них были близки с Аминовым, и не просто близки – они составляли костяк предполагаемой новой власти, построить которую задумал сам шеф спецслужбы. Аминов, имеющий богатый опыт работы в своей закрытой сфере, прекрасно знал и понимал: чтобы победить в политической борьбе, нужны профессиональные журналисты, имеющие влияние на электорат, то есть борьба с соперниками с их стороны будет сопровождаться непрекращающейся идеологической поддержкой не только нового лидера, но и его ближайшего окружения. Аналитическая служба снабдила своего шефа специально подготовленной запиской, где фигурировали имена известных журналистов, поддерживающих линию политических конкурентов Аминова. Хангельды Жумабаев шел там под первым номером.

– Кайрат Молдабекович, прибыл Ермек Алдамжаров, – доложили из приемной.

– Пусть заходит.

В кабинет вошел подтянутый, слегка лысеющий Алдамжаров. Это был человек, который досконально знал жесткие законы коридоров власти, прошел практически все ступени служебной лестницы и был способен подавлять любые поползновения против его планов. Он обладал богатейшими компрометирующими материалами на многих граждан республики, начиная от самого президента и кончая акимом захолустного района или журналистом областно-

¹ Мараль (устар., прост.) – клевета, оскорбление, дурная слава.

го уровня. Работая в различных контролирующих финансовых организациях, руководителем области, путем шантажа, провокаций и другими незаконными путями Алдамжаров сколотил себе солиднейший капитал и мечтал в будущем занять кресло номер один. Тем более что имел хорошую политическую поддержку со стороны экс-руководителя соседней влиятельной страны. Входя в кабинет Аминова, Алдамжаров понимал, что перед ним сидит не менее жесткий человек, который не остановится ни перед кем для достижения своей большой цели. Как говорится, нашла коса на камень. Но надо было подчиниться, принять его сторону, хотя бы на время, пока тот в силе...

Они поздоровались довольно сухо, по-деловому.

– Прежде всего хочу предупредить вас, что наш разговор строго конфиденциальный. Всё, о чем мы поговорим, должно остаться здесь, – решительно начал Аминов.

– Даже не сомневайтесь, Каке! – ответил Алдамжаров со всей возможной почтительностью.

– Вы знаете журналиста Жумабаева?

– Еще как, кто его не знает...

– Какого вы о нем мнения?

– Что вы имеете в виду? Профессиональные его качества или...

– Всё, что вы думаете о нем.

– Начну с профессионального. Один из ведущих журналистов страны, пишет популярные статьи. Его СМИ весьма влиятельны. Недавно создал портал «Радиорубка», собрал лучших спецов. Они открыли рубрику «Кому принадлежит Казахстан», публикуют журналистские расследования о махинациях высших чиновников. Наши ребята в шоке, сами не могут понять, откуда те берут закрытую информацию о финансовых нарушениях, банковские данные, адреса недвижимости наших олигархов за кордоном. Они научились вскрывать коды... Порой мы сами пользуемся их информацией и наводками...

– Понятно. Ну а по человеческим качествам?

– Наши люди говорят, он амбициозен, на равных разговаривает с нашими министрами, акимами областей. Дошло до того, что ходит к ним не в кабинеты, а в отдельные VIP-комнаты дорогих ресторанов. Причем всегда платит за себя сам.

– Выходит, чист по вашей части?

– Чист, но вы же знаете, что мы можем накопать на любого, если потребуется. С ним я лично не знаком, но он... раздражает.

– Даже так? – Аминову понравилось последнее замечание Алдамжарова, но вида не подал. – У меня к вам конкретное предложение. Присмотритесь к нему. Надо бы его урезонить. Если будете задерживать, на это надо взять добро у шефа.

Под шефом Аминов подразумевал главу государства. Алдамжаров, хорошо знавший правила игры, кивнул.

– У этого журналиста неплохие отношения с президентом, – продолжил Аминов. – Жумабаев не раз встречался с ним тет-а-тет, к тому же вхож во многие кабинеты власти. Но самое опасное то, что он возглавляет одну международную писательскую организацию, за него впрягутся западные страны. Будет шум, поэтому попроситесь к шефу и получите от него отмашку. Этим делом могла бы заняться и наша служба, но зачем предавать его политической огласке? В любом случае вы лично займитесь делом Жумабаева, но весь процесс курировать будем мы. Держите меня в курсе.

– Понял, всё сделаю!

– О нашей встрече шеф не должен знать, – тихо проговорил Аминов, имея в виду непосредственного руководителя Алдамжарова.

Они пожали руки и попрощались. Оставшись один, Аминов задумался: а ведь Хангельды Жумабаева он неплохо знал. В далеком 2004 году по предложению главы государства приглашал его в свой кабинет, познакомился. С тех пор держали связь по телефону, встречались, тот никогда не подводил... Но теперь Жумабаев работает на чужой стороне, и именно поэтому его надо остановить!

* * *

Шеф Антикorra Ермек Алдамжаров давно точил зуб на Жумабаева и хотел прижать его к ногтю. «Сколько крови выпил этот змееныш у меня. Вконец уже достали меня его статьи, – думал Алдамжаров, сжав кулаки. Ненависть в нем расправляла крылья. – Надо с ним покончить раз и навсегда!» Так что договоренность с Кайратом Аминовым легла на плодородную почву. Алдамжаров никак не мог забыть острые статьи в газете Жумабаева, где критиковалась непосредственно его деятельность на посту руководителя области. Выходит, для уничтожения этого выскочки он нашел себе крепкого союзника. Прибыв на службу, Алдамжаров вызвал своего надежного человека.

– Хангельды Жумабаев, – буркнул он подчиненному, который старательно всё записывал. – Досконально проверить его деятельность, в том числе по финансам. Установить над ним строгий внешний надзор: выяснить, с кем дружит, куда ездит, как проводит свободное время, если надо, можно подsunуть какую-нибудь симпатичную бабу.

– Понял, шеф, – вытянувшись по струнке, ответил подчиненный. – А если ничего не найдем?

– Есть еще один вариант, – не став вдаваться в детали, ответил Алдамжаров. – Дело щепетильное, работайте чисто. Докладывать мне по необходимости! Работайте!

– Есть, шеф!

Проводив его взглядом, Алдамжаров подумал, что теперь надо проситься к президенту. Все-таки Жумабаев – фигура весомая, так что на «охоту» нужно получить добро от главы государства. Уже на следующий день здесь звезды сошлись: Алдамжарова пригласили в первую приемную президента. Начальник Антикorra знал все повадки большого шефа, всегда тщательно готовился к встрече, по несколько раз повторял перед зеркалом короткую речь, при этом особое значение уделял внешнему виду. Именно по этой причине он заранее заходил с ценным подарком к руководителю канцелярии президента, Махану Асылбекову, и подробно узнавал о настроении шефа. А президент, в свою очередь, через осведомителей узнавал заранее о цели того или иного визита.

Когда Алдамжаров зашел к президенту, тот приводил в порядок служебные бумаги, лежавшие на письменном столе. Не поднимаясь, президент подал руку и небрежно бросил взгляд на Алдамжарова. Шеф Антикorra кратко отчитался о своей работе, похвастался тем, сколько чиновников и бизнесменов арестовал за последний квартал.

Президент слушал вполуха. Наступила короткая тишина.

– Ия, тағы не айтасың? – спросил президент, строго глядя в лицо Алдамжарова. Тот несколько растерялся, заерзал на кресле.

– Говори, чего замялся? – еще строже произнес президент.

– Хотел сказать об одном главном редакторе по фамилии Жумабаев...

Услышав фамилию, президент поднял голову и с интересом посмотрел на Алдамжарова.

– Хангельды Жумабаев? – уточнил президент. – Так, слушаю...

– Скажу прямо: этот человек выходит за рамки нашей привычной жизни, печатает в своей газете и портале критические материалы об акимах областей, министрах.

С горячностью выданная Алдамжаровым тирада, по-видимому, не слишком пришлась по вкусу главе государства.

– Ну и правильно делает! Меньше надо воровать! Я читаю его газету, меня всё устраивает.

– Уважаемый президент, но в то же время Жумабаев печатает интервью, где критикуетесь даже вы!

– Покажи, – прервал его президент. Лицо его приняло другое выражение.

Алдамжаров с удовольствием подал шефу довольно старый номер газеты Жумабаева. Президент надел очки и вчитался. Через некоторое время он спросил:

– И что ты собираешься с ним делать?

– Хотел задержать, если вы дадите добро...

Президент посидел молча, некоторое время глядя в окно. Он находился уже в том возрасте, когда старость исподволь переходит в юность. В бороздах морщин виднелись мягкие проблески нового расцвета.

– Ладно, берите его, а там посмотрим, – после минутной паузы нехотя сказал президент, словно избавился от назойливой мухи.

Когда за Ермеком Алдамжаровым закрылась дверь, президент тихо произнес:

– Далеко пойдет этот гаденыш, если его не остановить. Даже на меня собирает компромат. Хорошо, пусть поработает... Ошибки – как первая и неудачная любовь. Чем больше извлекаешь уроков, тем больше жалеешь, что совершил их...

Тучи сгущаются

Хангельды Жумабаев расположился в кресле у окна. Он был совершенно спокоен, умиротворен, думал о планах на будущее, о семье. День в Алматы выдался чудесный – теплый, чуть ветреный. В лучах осеннего солнца переливалась уже багровеющая листва. Алматинцы как никто знают прелесть солнечных осенних дней: после летнего зноя наступает благодатная пора, когда тепло насквозь пронизывает тебя и даже убаюкивает, лаская тело, лицо, сердце и душу. Глядя на снежные вершины гор, на голубые лесистые сопки, спускающиеся прямо до южных окраин города, невольно хотелось петь. Здорово, когда жизнь дарит такие приятные минуты. Время расслабиться, прикрыть глаза и просто насладиться погожим осенним днем. И Хангельды наслаждался. А почему бы нет? У него было всё, о чем только можно мечтать. Любимая работа, жена, дети, здоровье, обеспеченность. Что еще надо для счастья? Он возглавлял три творческие организации: Международный писательский клуб, республиканский еженедельник *Asia Times* и популярный портал «Радиорубка». На первую должность его избрали четыре года назад по убедительной рекомендации классика отечественной литературы, газету он создал еще в 2004 году, по возвращении из политической эмиграции в США, а портал «Радиорубка» открыл, осознавая, что в век сплошного Интернета нельзя отставать от велений времени. Плюс ко всему полгода назад его избрали депутатом маслихата города Алматы. Словом, всё складывалось удачно и благополучно, без потрясений и невзгод. Будущее виделось если не прекрасным, то спокойным. Его благостное настроение стало еще лучше после звонка Атабека, его старого приятеля. С привычным узбекским акцентом Атабек приветствовал его и пригласил на обед. Хангельды согласился на радушное предложение. Старый друг, вкусная еда, неторопливая беседа... Что может быть лучше? Обед получился именно таким, как он и рассчитывал, – приятным, уютным и вполне комфортным. Разговаривали обо всем и ни о чем, дышали воздухом, пропитанным пряными специями, дежурно смеялись над старыми шутками. Попробовав несколько восточных

блюды, они уже закончили разговор и собирались прощаться, когда к ним подбежал официант и с тревогой в голосе сообщил:

– Ага, вы ничего не заметили во время обеда?

– Нет, – растерянно ответил Хангельды, машинально убирая бумажник во внутренний карман пиджака.

По правде говоря, он вообще не смотрел по сторонам, ему вполне хватало беседы за столом.

– Вас фотографировал один парень, – нервно заметил официант, переминаясь с ноги на ногу. – А потом укатил на машине.

– Спасибо, дорогой, не переживай!

Он попрощался с другом и отправился в известный в Алматы фитнес-клуб. Уже в машине снова подумал о словах официанта. А все-таки, что это значит? Хан сначала испытывал лишь легкое любопытство, но уже у дверей фитнес-клуба почувствовал щемящую тревогу в груди. Поднимался по ступеням, а в голове, как назойливая муха, вертелись слова официанта: «Вас фотографировали».

В последнее время друзья-бизнесмены предупреждали о том, что после встречи с ним соответствующие органы начинают прослушивать их телефоны. Доверенные люди из спецслужб говорили им прямым текстом: «Будь осторожен, тебя прослушивают из-за Хангельды!» Он вспомнил, как обедал с Рустемом, другом-бизнесменом. Они хорошо посидели в итальянском ресторане, потом Рустем завез его домой, они попрощались. Но прошло несколько минут, и уже с другого телефона Рустем перезвонил и попросил выйти из дома. Он рассказал странную историю: «Ханеке, за вами плотно следят. Я об этом догадался еще в ресторане, но не стал тревожить, пока сам не удостоверился. Так вот, когда мы прибыли к вашему дому, у соседнего подъезда я заметил человека, которого видел в ресторане. Еще там он вызывал у меня подозрение. Я хорошо запомнил его лицо и одежду. К тому же он нас фотографировал в момент прощания. А когда мы тронулись, этот тип поехал следом. Но нам удалось оторваться от него. В общем, будьте осторожны».

Хан и тогда лишь пожал плечами. Глупость какая-то. Видимо, зря. Уже в фитнес-клубе ему снова позвонили. Это был Талгат, известный бизнесмен, которого Хан знал много лет и ценил за порядочность, скромность, тонкий и сметливый ум. За последние годы у них реализовались весьма удачные совместные проекты.

– Ханеке, я сразу к делу, – раздалось из трубки. – Подъезжайте ко мне в офис, есть информация для вас.

Просто так беспокоить тот бы не стал, и Хан, не закончив тренировку, рванул к нему.

Талгат обычно был свеж, как куст в утренней росе, но сегодня даже модная трехдневная щетина подчеркивала нетипичную для него усталость. Он неторопливо сделал глоток ароматного кофе, пристально посмотрел на Хана и очень внимательно изучил его, словно при знакомстве.

– Ханеке, я вчера встречался с Ермеком Алдамжаровым, шефом Антикорра, – тихо произнес Талгат.

– Шефом Антикорра? – уточнил Хан.

– Именно. Он хочет вас арестовать.

– Арестовать? За что?

– Не знаю. – Талгат пожал плечами. – Не говорит. Но имейте в виду, что персону такого уровня, как вы, без согласования с президентом он вряд ли решится тронуть. Значит, получил добро или планирует вот-вот получить.

Хан задумался, а Талгат добавил:

– Я пытался защитить вас, сказал, что хорошо вас знаю, ручаюсь, что вы честны перед законом. – Несколько минут висела напряженная тишина, во время которой Хан пытался как-то осмыслить только что услышанное. – Хотите совет? Срочно летите в Астану, встретитесь с ним, поговорите, в общем, решайте вопрос.

Хан поблагодарил Талгата за заботу и хлопоты, пожал ему руку и вышел, погруженный в невеселые мысли. Не обращать внимания на такую прямую угрозу не мог. Дело принимало серьезный оборот, и Хан прекрасно знал, что если государственное колесо закрутилось, нужно действовать. Нужно лететь в Астану. В столице было немало людей, которые могли бы принять его по первому звонку, помочь своими большими связями и оказать поддержку.

В душе исподволь просыпалось неведомое доселе предчувствие чего-то необратимо ужасного.

На нет и суда нет

В самолете Хан напряженно думал. В чем его могут обвинить?

С финансами он обращался нежно и бережно, потому как знал, что за каждый тенге надо отвечать не только перед налоговыми органами, но и перед самим Аллахом. Об этом прекрасно помнила и Светлана Ивановна, бухгалтер с большим стажем, с которой они работали бок о бок с 1998 года, так что за финансовую составляющую своей деятельности можно не беспокоиться. Другое дело – его профессиональная деятельность. Сотни статей в Asia Times, где остро критиковались высшие чины власти. Чего стоит судебная тяжба с руководителем «Безрук-Казына» Ойратом Калымбековым. Да, тогда газета суд выиграла, несмотря на толпу адвокатов Калымбекова. А ведь он планировал не только закрыть газету, но и заполучить от издания несколько десятков миллионов тенге. За четырнадцать лет подобных случаев у газеты было немало. Не менее острые статьи публиковал и портал «Радиорубка». Предчувствие ужасного мучительно сдавливало сердце, сбивало дыхание, да и столица встретила его пасмурным ноябрьским небом, затянутым тоскливой пеленой кучерявых облаков. Хан взял себя в руки и первым делом из аэропорта позвонил генпрокурору Алданову. Ему важно было знать, как будет воспринят звонок, каким голосом с ним будут разговаривать.

Генпрокурор говорил, как и раньше, приветливо.

– Ханеке, без проблем, – доброжелательно ответил он. – Давайте встретимся. Передайте номер своей машины моей охране. У подъезда вас встретит мой помощник.

В здании Генпрокуратуры Хан бывал неоднократно и по разным поводам, в том числе и по журналистским делам. Вроде всё знакомо и привычно. Но каждый раз его удивляли зловещая тишина, которая висела в коридорах этого мрачноватого здания, молодцеватый, строгий вид помощников и советников генпрокурора – словом, вся здешняя атмосфера таинственности и скрытности. Внутри даже по телефону говорили тихо, чтобы не нарушать царящую вокруг тишину. «Судьбы скольких людей – и каких – тут решаются? Сколько слез помнят эти стены, какие душераздирающие и трагичные истории пылятся в архивах?» – думал Хан, когда входил в кабинет главного прокурора страны. Он прекрасно осознавал, что в этом здании каждая вещь, начиная от лифта и лестничных перил и кончая дверными ручками, насквозь пропитана человеческими муками. Алданов встретил его приветливо, вышел из-за огромного стола, заваленного бумагами, и сел напротив. По ранним впечатлениям Хана, генпрокурор был человеком старательным, пытающимся изменить про-

гнвшую систему прокуратуры. За короткое время пребывания на этой должности ему удалось внести немало новшеств. А сколько сил вложил он в систему подбора кадров! Но при всех этих плюсах генпрокурору не хватало самостоятельности, ему никак не удавалось мысленно слезть с кресла второго руководителя. Во всем его облике, характере, поведении отсутствовали твердая воля, солидная решимость, особая жилка весомого руководителя.

После обычных приветственных слов Хан сразу перешел к цели своего визита:

– Арип Жакенович, какие у вас отношения с Алдамжаровым?

– Рабочие, – коротко ответил Алданов. Он не ожидал такого прямого вопроса, поэтому несколько смутился.

– Если так, то я бы хотел сообщить вам кое-какую важную информацию.

Надеюсь, это останется между нами.

– Безусловно! Говорите, Ханеке.

– До меня дошли слухи, что Алдамжаров решил меня арестовать.

– Даже так? Очень любопытно... – Хан внимательно посмотрел в его глаза.

Было видно, что собеседник далек от притворства, искренне удивлен. – Хорошо, что заранее предупредили, – сказал он, завершая их недолгий разговор.

Тепло попрощавшись с ним, Хан позвонил в приемную Алдамжарова. Ему ответили, что начальник в командировке. «На нет и суда нет, – утешил он себя. – В любом случае он бы вряд ли меня принял».

За годы работы в журналистике – в газетах и на телевидении, где Хан в течение двух лет вел свою авторскую передачу «По душам», – ему удалось побеседовать практически со всеми первыми руководителями министерств и ведомств, включая президента. И лишь с несколькими высшими чинами республиканского уровня, в том числе с Алдамжаровым, у него не было желания встречаться. Алдамжаров ему был неприятен, прежде всего как человек. Чванливый, высокомерный, не по способностям амбициозный, готовый на всё ради карьеры.

У Хана оставалось ещё два человека, которых он хотел предупредить о своем предполагаемом аресте и на помощь которых надеялся – спикер Мажилиса Парламента Арлан Сейфуллин и помощник президента, секретарь Совета безопасности Александр Журавлев. С каждым из них у него сложились рабочие, дружеские отношения. Он ценил этих людей за цельный, твердый характер. Скажем, Журавлева он знал с 2004 года. Именно он и его сотрудники встречали Хана в аэропорту Алматы, когда тот с женой возвращался из политической эмиграции из США. Журавлев в то время был в чине полковника, возглавлял департамент антитеррора КНБ РК. Хан дорожил им и уважал за профессионализм, скромность, аналитический ум, верность данному слову. Первая встреча насторожила его. Арлан Сейфуллин принял его по-деловому, но приветливо. Хангельды поведал ему о цели визита, однако, хоть Сейфуллин и сделал удивленный вид, поведение его показалось Хану наигранным. «Неужели знает, но скрывает?» Но слова, сказанные спикером на прощание, вселили уверенность:

– Не переживайте, я переговорю с Алдамжаровым. Мы же с вами столько лет дружим. Я за вас поручусь!

Впрочем, в этих кабинетах часто говорят одно, подразумевая другое. Поэтому Хан решил всё же встретиться и с Журавлевым. Поблагодарив спикера Мажилиса, Хан поехал в Акорду. Может, и Журавлев не владел информацией? Но, судя по официальному тону и сухости общения, тот что-то знал.

– Хангельды, хорошо, что нашумевшее интервью с Дарханом Амиржановым в вашей газете не дошло до президента, – как бы между прочим произнес Журавлев и демонстративно уперся взглядом в монитор. Хан промолчал. Такие острые материалы, где критикуются не только представители власти, но

и сам президент, были прямо на руку его недоброжелателям. Особенно таким, как Алдамжаров.

– Может, есть хотя бы возможность узнать, что именно задумал Алдамжаров? – спросил Хан.

– Хорошо, я постараюсь узнать, – пообщал на прощание Журавлев. – Как что-нибудь станет известно, сообщу.

Хан, пожав ему руку, уехал в аэропорт, частично успокоенный. Окончательно его тревоги не развеялись, но поддержка, пусть и на словах, людей такого уровня значила, что, по крайней мере, его рано списывать со счетов. Иначе они бы не стали с ним даже встречаться.

Неожиданный звонок

В последние годы он особенно полюбил занятия спортом, плаванием – с годами тело требовало всё больше внимания, и Хан, твердо вознамерившийся жить очень-очень долго, бережно к нему прислушивался. Он получил ключи от шкафа и с предвкушением, не торопясь, раздевался. Зазвонил мобильник.

– Это Жумабаев Хангельды Жумабаевич? – в трубке звучал уверенный молодой голос. – Вас беспокоят из департамента Национального бюро по противодействию коррупции по Алматы из Антикоррупционной службы. Вам надо сегодня к трем часам прибыть к нам. Пропуск заказан.

Нацбюро? Хан, растерявшись, опустил на лавку полотенце, которое уже захватски закинул на плечо. Что от него могло понадобиться Антикоррупционной службе? Он даже не госчиновник.

– Нет, я не могу сегодня. Давайте завтра в три, – ответил он на неожиданное предложение абонента.

Еще сам этого не осознавая, он пытался оттянуть время. Только не сегодня, пусть завтра – пусть будет хоть немного времени собраться с мыслями, может, кому-то позвонить, посоветоваться.

– Нет, – не терпящим возражений тоном ответил неизвестный молодой человек. – Это безотлагательно, ждем в три. – Он давал указания и понимал: его послушаются.

Пока ехал в Нацбюро, набирал номера чиновников, с которыми недавно встречался в Астане. Увы, ни один из них не отвечал. Мало того, не брали трубки и их помощники, советники и другие подчиненные. Будто разом все вымерли. И тогда он вспомнил слова бизнесмена о том, что Алдамжаров задерживает известных людей лишь с позволения президента. Генпрокурору, спикеру Мажилиса, помощнику президента, понятное дело, не хочется лезть на рожон, защищая его, раз всё согласовано с главой государства. Хан понимал причину их молчания, реально представил себя на их месте и пришел к выводу: в этой ситуации они бессильны, от них теперь не стоит ждать никакой поддержки. Набрав воды в рот, они будут ждать: куда повернет колесо фортуны – туда вильнут и они. В здании городского Нацбюро Хан бывал и раньше. Последние два раза приезжал этим летом по делу Айтказы Сатаева, председателя Союза журналистов, который был обвинен в мошенничестве и уклонении от уплаты налогов. Дело было явно сфабрикованным, выглядело как политический заказ, и Хангельды искренне хотел помочь другу, которого знал с юности. Они учились на одном факультете, жили в общежитии КазГУ, вместе работали в студенческом строительном отряде, да и потом трудились бок о бок в журналистике. Хангельды, когда всё это началось, специально летал в Астану, встречался с тогдашним руководителем Аппарата президента РК Арланом Сейфуллиным. Тот звонил Алдамжарову, чтобы Хану предоставили возможность встретиться с Сатаевым,

уже находившимся под домашним арестом в Алматы. К сожалению, Сатаев не воспринял его советы, точнее, не осознал того, что его ждет в будущем. Хуже того, когда Хан с известным юристом Амиром Бисенбаевым прибыл к нему домой для беседы, желая помочь, Сатаев даже не удосужился выйти на балкон. Хан приехал к зданию Нацбюро, телефоны и портфель оставил в машине, после чего налегке зашагал к зданию «ненавистного ведомства». Сдал удостоверение личности и вместе с сопровождающим поднялся на верхние этажи, где располагался кабинет начальника. Ему указали на диван в приемной. Внешне Хан выглядел спокойным, но в его душе закрутился целый ураган переживаний: зачем вызвали, в чем будут обвинять, что его ждет? «Спокойно, спокойно! За мной нет никаких финансовых нарушений, я им не нужен, дело в чем-то другом», – попытался он утешить себя и как бы между прочим огляделся по сторонам, чтобы удостовериться в наличии камер. И не ошибся, камера из-под потолка внимательно разглядывала его немигающим глазом. «Ну, тем более, выше голову, раз такое кино снимается», – сказал он себе, приняв достойную позу на диване. Время шло. Десять минут, пятнадцать. Тишина. И это была такая тишина, в которой можно услышать даже биение сердца. В коридорах никого. Когда наконец дверь приемной открылась, секретарша молча указала на кабинет начальника. Хан ожидал увидеть знакомого чиновника, с которым неоднократно встречался по делу Сатаева, но за столом восседал незнакомый ему человек невысокого роста. Чиновник имел потное землисто-серое лицо, и выражение его, как молния, всё выжгло в душе – столько ненависти и в то же время холодного безразличия Хан редко ощущал в жизни по отношению к себе. Хан поздоровался. Чиновник не только не подал ему руки, но даже не ответил на приветствие. Он был здесь хозяин, царь и бог. И мог делать всё. Те мелкие, ничтожные людишки, которые входили в этот кабинет, попадали в его руки, и кем они были в прошлой, задверной жизни, уже ничего не значило. Тут власть принадлежала ему.

Помолчав, хозяин кабинета сухо произнес:

– Вам надо срочно лететь в Астану. Вот авиабилеты. Вылет в 17:40. Обратный билет – с открытой датой. Скорее всего, последним рейсом вернетесь обратно.

Внутренности ухнули вниз, в спине похолодело, Хан разом почувствовал и жар в голове, и ледяной пот на руках.

– Зачем мне лететь в Астану?

– Летите. Там всё и объяснят, – отрезал чиновник и даже не поднял головы. – Вас до аэропорта отвезут на машине, в Астане встретят. Поздно вечером вернетесь домой.

От этого спокойного, канцелярского безразличия холодный ужас сковал параличом. Будто поделать уже ничего нельзя и судьба его решена. Хан в этот миг стал словно бы ниже ростом и даже как будто легчевесней и старше своих лет. В те дни в Алматы стояла благоприятная, теплая погода. Термометр показывал около четырнадцати градусов, а ему было холодно.

Чиновник набрал чей-то номер и приказал:

– Занесите его телефоны и портфель!

«Да, дело принимает крутой оборот, – подумал Хан. – Он знает даже о том, что мои телефоны и портфель остались в машине». Сотрудник занес его вещи. Начальник строго посмотрел на своего подчиненного и приказным тоном бросил:

– Всё! Уводите! Его срочно ждут в Астане! Действуйте строго по инструкции!

Чиновник торжествовал, ведь он задержал «крупного государственного преступника». Дальше он Хана уже не видел, тот перестал для него существовать. А Хана в те минуты так и подмывало назвать секретаршу крысой, а к случайному начальнику пришить эпитет «мерзкий», и он с трудом себя удерживал от этого искушения. Как писал великий Данте: «Они не стоят слов, взглянул – и мимо».

Срочный вылет в Астану

В сопровождении трех офицеров Нацбюро Хана вывели на улицу. Уже с их позволения он подошел к своей машине и с телефона водителя Саттара сообщил жене: «Ажекеня, я срочно вылетаю в Астану, вернусь сегодня! Целую! Оставил Саттару свое обручальное кольцо. На всякий случай!» В легковушке Хана устроили на заднем сиденье, справа и слева расположились сопровождающие. В VIP-зале ожидания ему предложили чай. Но Хану уже было не до чая, он, не в силах остановить себя, то и дело принимался топтаться на месте, сжимать и разжимать руки, нервически притоптывать ногой – в общем, делать все те конвульсивные повторяющиеся движения, которые выдают человека, пребывающего в крайней степени возбуждения. Наконец, сели в самолет. На борту, как всегда, оказалось немало знакомых, в том числе его друг Амир Бисенбаев, известный адвокат, сидел прямо впереди. Хан кивком, улыбаясь, здоровался, стараясь не подавать вида, что летит в качестве подневольного, а с обеих сторон у него сопровождающие: ни сделать лишнего движения, ни поговорить!

Когда подлетали к Астане, Амир Бисенбаев обратился к нему:

– Ханеке, у тебя есть транспорт?

Хан промолчал, не зная, что ответить. А Амир смотрел на него недоуменно и не мог понять, в чем дело.

Тогда за Хана ответили его «друзья»:

– Дорогой, нам дальше лететь в Караганду!

Трудно сказать, догадался ли друг о незавидном положении Хана или нет. Но подать знак не было никакой возможности.

В Астане у трапа их ожидали еще двое мужчин. Сели в «Тойоту» и резво помчались в город. На улице царил пронизывающий холод. Недавно тут выпал обильный снег с дождем, потом ударил мороз, поэтому был сильный гололед. Естественно, по пути в город образовалась пробка. А ехать им предстояло не на левый берег Ишима, который ближе к аэропорту, а на правый. Минут через двадцать раздались звонки – это коллеги из центра беспокоили сопровождающих Хана. Долго ехали по скользкой трассе, где каждый водитель сквозь пар от передних авто пытался пойти на обгон. Их машина, затертая среди разноцветного стада автомобилей, двигалась со скоростью пешехода. Хан начинал мерзнуть, ерзал, прижатый двумя бравыми офицерами, которые время от времени переругивались со своими коллегами по поводу задержки. У Хана в голове роились невеселые мысли о том, что он ни в чем не виноват и ему совершенно, абсолютно не в чем признаваться! Может, еще всё обойдется, может, ошибка, может, он ответит на их вопросы и последним рейсом вернется домой! Темно-синим поздним вечером город Астану продувало насквозь. Правое окно машины было приоткрыто, и Хан чувствовал дыхание природы. Ветер казался стерильным, а обледенелое дорожное покрытие отражало красные огни светофоров. Хан в летних туфлях, в легком костюме и в плаще сильно продрог, а заехать домой переодеться ему не разрешили. Где-то через полтора часа они добрались до здания Национального бюро по противодействию коррупции – так официально называлось это зловещее ведомство.

Здравствуй, Нацбюро! Задержание?!

Они вошли внутрь, долго получали пропуск, и Хан всем своим нутром сразу почувствовал неладное, на него повеяло дыхание неволи. Суровые на вид автоматчики в бронжилетах буднично несли свою службу, несмотря на поздний час, в пропускном пункте толпились какие-то люди, ему было невдомек, что это чьи-то адвокаты, ждущие своих клиентов, и печальные граждане, внезапно вызванные на допрос. Хана поразила безразличная, казенная медлительность здешних служаек, с которой они оформляли ему пропуск. Вся эта процедура больно отзывалась в груди и в то же время вселяла мимолетную надежду: всё это дурной сон, может, и впрямь удастся улететь сегодняшним поздним рейсом... И вот Хан уже шел в сопровождении конвоира, который командовал, куда следовать в лабиринте многочисленных кабинетов. Вошли в лифт. Конвоир нажал на кнопку четвертого этажа. Несмотря на поздний час, чувствовалось, работники только сейчас вошли во вкус, по коридорам деловито сновали молодые люди. Вот какой-то паренек, где-то им виденный, рассеянно кивнув, обронил Хану: «Салем!»

– Сюда, – указал конвоир, показывая на кабинет с открытой дверью. Вошли.

За столом сидел человек лет тридцати, в очках, нескладный, долговязый, без особого блеска мысли в глазах. Судя по нетерпеливому выражению лица, он сильно ждал этой встречи, чтобы скорее начать допрос.

– Садитесь, Хангельды Жумабаевич, – несколько волнуясь и растягивая слова, произнес хозяин кабинета. Он указал на стул. – Присаживайтесь.

Хан сел, напряженно вглядываясь в лицо человека, и тот, кивнув, представился:

– Меня зовут Хасен Сабилов, я старший следователь Следственного департамента Нацбюро. – Потом он по бумажке скороговоркой произнес следующее предложение: – Вы подозреваетесь по уголовному делу досудебного расследования № 160000131000060 по статье 194 часть 3 пункт 2 УК РК.

– Я даже не понимаю, о чем речь! Дайте я хоть запишу... – сказал Хан.

– Не стоит, – перебил следователь, не поднимая головы. – Скоро вы эти цифры запомните на всю жизнь. Вы в своей газете публиковали негативные материалы в адрес руководителей госорганов для получения государственного заказа. Факты подтверждаются заявлением руководителя управления внутренней политики акимата Жамбылской области Раисой Трухамбетовой и другими данными. Вы задержаны.

На миг он ощутил себя рыбой, которую, сняв с крючка, выбросили на горячий песок. Казалось, он сойдет с ума от этих абсурдных обвинений, казенной речи сопляка-следователя, выдавливающего из себя явно чужие слова. «Может, это мне приснилось? – подумал Хан. – Мне шестьдесят один. Я известный в стране журналист, создал четыре популярных СМИ. Депутат. Имею три ордена, несколько международных наград. Перед моей газетой и порталом трепещут чиновники-коррупционеры. И задержан как вымогатель. Не может этого быть!»

До сих пор он вызывал в людях положительные эмоции. Им многие интересовались, уважали, кое-кто, конечно, завидовал, как же без этого в жизни. Успешный человек без завистников – такого не бывает! С ним многие хотели завязать знакомство, дружить. С него брали пример в школе, в армии, в университете. Он имел влияние на вице-премьеров, министров, акимов областей. Всегда старался держать слово. С детских лет Хан ставил перед собой большие цели. Добивался их и стремился еще выше. Он постоянно получал доказательства того, что является одним из лучших в своей сфере, что многим необходим как воздух. Порой гордился тем, что его причисляли к разряду self-made man людей, которые сделали себя сами. А теперь какой-то несмышлениш, не уме-

ющий связать двух слов, но облеченный властью карательного органа, некой аурой превосходства, дает ему знать, что всё не так.

В его глазах не было ни злобы, ни отвращения, ни презрения в чистом виде. Ему по службе нужно только четкое исполнение поручений начальства. Именно по этой причине слова следователя «вы задержаны» стали для него громом среди ясного неба. Несмотря на звон в ушах и туман в голове, Хан почувствовал, как овладевшее им отвращение к этому слюнтяю сперва тихо распространяется по телу, а потом просачивается глубоко внутрь, вызывая в душе ярость и презрение. На столе у следователя уже лежал его портфель и телефоны, он вежливо попросил сдать всё содержимое карманов, ремень, часы. В общем, Хан отдал всё, кроме одежды, хотя по лицу Сабирова было видно, что он с удовольствием, была бы возможность, отнял бы и её. И тогда Хан со всей отчетливостью вдруг понял, что началась его тюремная биография, состоялся мгновенный переход из одной жизни в совершенно другую. Когда везли сюда, он еще чувствовал себя свободным человеком, задержанным по недоразумению. Теперь, с началом допроса, он понял, что отправится не домой к жене и детям, а напрямик в камеру. Уж если финполовцы вцепились в него, как клещи, то не так просто от них отцепиться. «Ну что же, будем бороться и доказывать!» – заверил он себя.

– Верните мне мои телефоны, хочу сообщить жене о задержании, – твердым голосом попросил следователя Хан.

Сабиров отказал.

– Заключение не разрешаются телефонные разговоры.

– Я еще не заключенный! – настойчиво произнес Хан.

– Вы имеете право лишь на один звонок. И только с моего телефона.

– Хорошо! Но я не помню номера жены. Дайте мои телефоны, я посмотрю.

Следователь открыл дверцы сейфа, куда успели перекочевать личные вещи Хана, и временно вернул ему мобильник. Когда жена ответила, Хан спокойным голосом – ах, как тяжело это далось! – объяснил ей:

– Радость моя, я задержан финполом. Нахожусь в Астане. Надо срочно найти адвоката. Сообщи об этом коллегам и Амиру Бисенбаеву. Кстати, я с ним летел в одном самолете. Ладно, целую! Не переживай!

В Алматы Хана задержали внезапно, поэтому вполне естественно, что его портфель был набит различными бумагами, вплоть до документов Международного писательского клуба.

Началась муторная работа по описи каждой бумаги, каждого предмета. Следователь скрупулезно заносил в протокол название предмета, его регистрационный номер, содержание каждого листа. И эта муть продолжалась почти до двенадцати ночи.

После полуночи усталый следователь передал его в распоряжение конвоиров, чтобы они доставили задержанного в изолятор временного содержания.

Холодная цепкость наручников

Трое конвоиров вывели Хана на улицу, и он впервые в жизни ощутил на своих руках холодную цепкость наручников. Именно тогда он до конца осознал, что такое неволя, какое страшное отчаяние накатывает от осознания, что ты настоящий арестант. Правда, когда сели в «Жигули», конвоиры, узнав его, сняли наручники, сказав:

– Извини, брат, нельзя перевозить без наручников, везде камеры.

– Ну, и на том спасибо, – поблагодарил он парней.

– Вы давно ели?

Хан кивнул.

– Понятно, сейчас заедем в магазин, купим продукты, – конвоиры удивлялись своей человечностью.

«Интересно, что меня ждет в камере? Какие люди мне попадутся? Как дальше будут развиваться события? Что подумают обо мне люди? Как чувствуют себя жена, дети, коллеги?» – миллионы вопросов роились в голове, которая и без того трещала от нахлынувших мыслей и проблем.

За стеклом машины, которая везла его в ИВС, несмотря на поздний час, кипела жизнь. Конвоиры приоткрыли окно, и Хан сразу уловил приятные запахи пищи, заметил яркие рекламные щиты, услышал звуки музыки, льющиеся из ресторанов и кафе. К сожалению, уже чужие, вольные. Вот жареным шашлыком запахло. Вот чуть ли не домашней картошкой или просто кухней. Но он одернул себя: очнись, очнись! Эти ароматы уже не для тебя – тебя везут в ИВС! Забудь пока обо всем приятном! Тебя ждет камера!

Двери ИВС были закрыты. Конвоиры долго и настоятельно стучали, пока не послышался недовольный голос изнутри:

– Че так поздно приезжаете?! Уже первый час ночи! Мы же предупреждали, что после двенадцати никого не примем!

– Открывай, это из Нацбюро.

Слово «Нацбюро» подействовало, тут же загремели засовы, открылись двери.

По полутемному коридору конвоиры доставили Хана в комнату так называемого приема. Там расписались на какой-то толстой тетради, подтвердив, что живым и здоровым привезли его в ИВС.

– Жалоб нет? – обратился тамошний надзиратель.

– Нет, наоборот, хочу поблагодарить ребят за кефир и хлеб, – ответил Хан, переходя в распоряжение новых держиморд.

Когда за финполовскими конвоирами закрылись двери, надзиратель командовал:

– Лицом к стене! Живо. Ноги шире.

Стена Хану не понравилась. Пыльная, вся в буграх, покрытая зеленой масляной краской, она не вызывала никаких приятных чувств. «Не Стена Плача, а то бы уронил слезу», – вздохнул он печально.

Надзиратель привычными движениями ощупал его одежду, потом командовал:

– Галстук, ремень, шнурки сдать. Повернитесь ко мне!

Хан по-военному развернулся.

– Вы что, депутат? – спросил офицер, не веря своим глазам. Его смутил значок на лацкане дорогого костюма.

– Да, депутат, – коротко и злобно ответил Хан.

– Нет, тут какая-то неувязочка! Сержант! – крикнул он, подзывая подчиненного. – Лицом к стене! – опять потребовал он, оставляя Хана подошедшему сержанту.

Пошли долгие телефонные переговоры с начальством. Только и слышны были слова: «Я не буду потом отвечать! Не имею права!»

Вернувшись, он командовал:

– Налево! Шагом марш!

В небольшой комнате, куда его завели, приказали раздеться догола. Ох, с каким омерзением смотрел Хан на всё происходящее. Особенно брезговал засаленным, холодным полом, обложенным дешевым советским кафелем. Всё тут было такое – старое, душное, затхлое, будто сам воздух спирал горло, не проникал в легкие, оседая на коже плесенью и гнилью.

Когда он разделся, офицер приказал:

– Присядьте! Раздвиньте ягодицы!

Он внимательно глянул на анус Хана и сказал:

– Одевайтесь! То, что нужно сдать, передайте вон в то окошко.

Пока Хан одевался, из окна подали опись конфискованного имущества. Ему не хотелось сдавать депутатский значок. Это был маленький символ свободы, неприкосновенности, последняя надежда на освобождение, но офицер был непреклонен: сдать – и всё тут!

Закончилась процедура осмотра и приема задержанного, и его повели по длинному коридору. Слева и справа мелькали двери камер, о которых он имел представление лишь по фильмам и книгам.

Подошли к одной из них. Тут же прозвучал приказ конвоира:

– Лицом к стене! Ноги шире!

С лязгом и грохотом открылись замки, и Хан вошел в камеру – в доселе неведомый для него мир.

Тяжелая дверь закрылась, шаги офицера гулко удалились.

Войдя в камеру, Хан на секунду задержался у двери: кровь ударила в виски мелкой дробью, потом оглушительным и редким прибоем.

«Чем дышать?» – сразу же задался он вопросом, вдыхая зловонный воздух, пропитанный никотином, смрадом неочищенной параши, едкого пота, несвежей еды.

В камере, кроме двух железных кроватей, ничего не было. Углубление параши кто-то заткнул пластиковой бутылкой из-под кока-колы. Рядом лежал целлофановый мешок, набитый то ли песком, то ли еще чем-то сыпучим. Видимо, это была затычка, чтобы смердящая вонь мочи и кала не распространялась по крошечному помещению. Небольшое окошко, зарешеченное под самым потолком, было единственным призрачным напоминанием о свободе. Снова лязг ключей. Грохот железа. Надзиратель занес ему пожелтевшие нестиранные простыни, трухлявый матрац, из которого кусками торчала вата.

Голова гудела, словно после легкого сотрясения мозга. В ней медленно блуждала утешительная мысль: «Нет, это неправда, не может быть!» Сознание отказывалось признавать новую реальность, пустоту! Заарканенный, выдернутый из объятий кипучего мегаполиса, из размеренной жизни, он лежал, задыхаясь, как рыба на песке. Разом пропали все звуки, запахи, волнующие глаз краски. «Где я?! Что со мной происходит?!»

Душевные потрясения обладают особым свойством придавливать человека к полу, к земле, и Хан ощутил себя карликом Джонатана Свифта.

Шел уже второй час ночи. Незаметно тело охватила усталость. Хан заткнул уши ватой, которую выдернул из дырявого матраца, натянул на голову тюремное одеяло, от которого разило сухой пылью и едким горем, и прижался лицом к вонючей подушке. Надо было забыться. Всё это дурной сон. Вскоре он заснул, словно на мягкой постели пятизвездочного отеля на берегу океана. Усталость города берет!

Проснувшись, Хан никак не мог понять, где находится. Лишь запах зловонной параши и забористый казахский мат, который то и дело раздавался в коридоре, вернули в реальность.

Скоро снаружи начали доноситься какие-то постукивания, лязг открываемых замков. «ИВС просыпается, что меня ждет сегодня?» – подумалось Хану, когда вновь громыхнули ключи от дверей и он почуял тошнотворный запах тухлой вареной рыбы. На фоне уже знакомого и противного амбре параши эта свежая вонь раскрылась по-новому и начала солировать, вызывая рвотные рефлекссы.

Хан отказался от такого завтрака.

Вскоре из коридора послышались приближающиеся шаги:

– Жумабаев, вы депутат маслихата?

– Да.

– Удостоверение имеется?

– Оно изъято следователем.

– Ладно, разберемся! – Шаги удалились.

Прошло еще около часа. Вновь с шумом открылась дверь, и его повели к выходу. Там уже дожидались конвоиры. Но другие, он бы сказал, чужие. Они, недолго думая, надели на него наручники и повезли в Нацбюро. Парни попались молчаливые, вовсе не такие, как вчерашние, которые откровенно сочувствовали ему, общались, угощали кефиром и хлебом.

Получили ему пропуск, потом на лифте поднялись на четвертый этаж. Почему-то завели в другой кабинет. Там сидел сухощавый высокий интеллигентного вида парень.

– Хотите чаю? – спросил он вежливо.

– Да, спасибо! – ответил Хан охотно.

Разговорились. Хан поинтересовался, чем грозит ему это задержание.

И, надо же, приятный парень был откровенен – удивительное чудо по местным меркам, это Хан уже успел прочувствовать и осознать.

– Знаете, Хангельды Жумабаевич, я заместитель начальника Следственного комитета Нацбюро по оперативной работе Андрей Ким. Скажу прямо, у вас нелегкая ситуация, я бы даже сказал, очень серьезная. Но вся эта возня может закончиться за пару недель, и вы спокойно поедете домой к своим малолетним детям, если пойдете на сотрудничество со следствием, возьмете на себя часть вины. – Голос его был тверд, чувствовалось, что этот человек отвечает за свои слова.

Но какую вину ему брать на себя, если он не знает за собой никаких финансовых нарушений?

Вскоре конвоиры завели его в кабинет следователя. Тот встретил приветливо, словно старого знакомого.

– Как отдохнули? – то ли искренне, то ли с усмешкой спросил следователь.

– Спасибо! Как вы? – ответил Хан, думая про себя: «Скорее всего, не ведаешь, в каких условиях содержатся задержанные. Тебя бы хоть на часок закинули в камеру ИВС, ты бы не задавал такие глупые вопросы, голубчик!»

Пока перебрасывались незначительными фразами, в кабинет вошел солидный седоватый мужчина. Поздоровавшись, он представился:

– Я адвокат. Меня зовут Марат Салимов. Прибыл по рекомендации Амира Бисенбаева. Я знаю вас, Ханеке, готов вас защищать.

Хан очень обрадовался его появлению: почувствовал, будто у него разом выросли крылья. Он был уже не одинок среди этих шакалов, у которых одна цель – упрятать человека за решетку. Значит, сработал ночной звонок жене. Молодец, Амир! Выяснилось, что Салимов до него защищал бывшего премьер-министра.

Тем временем атмосфера кабинета наполнилась серьезностью предстоящего действия: настраивалась видеочкамера на штативе, заносились кресла, устанавливалось освещение. Специфический сленг, как барабанный перестук, резал слух, заставлял напрягаться.

Сыщики, как стервятники, обнаружившие падаль, основательно готовились к допросу, надеясь быстро расколоть Хана.

«Готовьтесь-готовьтесь! У вас ничего не получится! Думаете, стоп-хлоп – и клиент готов», – крепился он, по-своему готовясь к допросу.

Так морозным ноябрьским днем в Астане в здании Нацбюро был начат допрос – первый из множества. Но именно он показал Хану, как бессилён человек, столкнувшийся с безжалостной и слепой государственной машиной, выполняющей волю того, в чьих руках власть.

Хлоп – и клиент готов?

– Место рождения? Образование? Где работали? – Следователь Сабилов начал с общих вопросов, словно разогревался сам и давал разогреться Хану.

Хан отвечал спокойно, неторопливо. Мнения свои выражал предельно четко, иногда иронически, потому как Сабилов был далек от журналистики и газетного дела. Отсюда и рождались у него откровенно глупые вопросы.

Хан протокольным языком выдал свои биографические данные, рассказал и о газете, и о портале, и о бывшей и нынешней женах. В общем, обо всем, что так или иначе касалось его жизни и трудовой деятельности. А сам всё думал, когда же следователь задаст свои главные обвинительные вопросы, и в глазах адвоката читал то же самое.

На вопрос о том, как вообще строится финансовая деятельность издания, Хан ответил спокойно, даже расслабленно, откинувшись на спинку стула. Ну что в этом можно скрывать? Тут, даже если покопаться, невозможно найти поводов для уголовного преследования. В его обязанности входило только политическое руководство, планирование тематики и финансовое обеспечение, прежде всего изыскание государственных заказов и рекламы. Тематику статей определяют главный редактор и его заместитель, часто сами журналисты предлагают темы, так формируется содержание будущего номера газеты. Какого-либо запланированного списка тем не бывает. Жизнь сама их диктует. Но случаются государственные заказы от Министерства информации, областных акиматов и других организаций.

Например, из акимата какой-нибудь области мог позвонить руководитель управления внутренней политики или заместитель акима и сказать: «Мы бы хотели дать вашей газете на следующий год государственный заказ на такую-то сумму, но будет тендер, согласно которому определится победитель». После чего акимат объявлял тендер с такими требованиями, чтобы помочь выиграть определенному СМИ. Победитель определялся по ценовому предложению – и так работала вся страна. Даже если в этом и были нарушения, то со стороны заказчиков.

Солнце за окном в кабинете следователя уже прошло зенит и принялось отсчитывать вторую половину дня, а Хан всё говорил и говорил, и хозяйственной исповеди этой не было конца. А ведь сам допрос был еще впереди, к нему следователь даже не приступал, внимательно сверля наивного подозреваемого взглядом, время от времени одобрительно кивая и внося какие-то короткие записи в разложенные перед ним листы бумаг.

Но постепенно дело доползло и до самого допроса, и вот тут-то перед Ханом и разверзлись настоящие бредовые бездны. Ничто на свете просто по сути своей не может сравниться с нудностью, глупостью и бесконечной абсурдностью допроса следователя, которого совсем не интересуют твои ответы. Ведь главным для Сабилова было упаковать фразы Хана так, чтобы они вписывались в уже нарисованную кем-то картину.

Часами и часами он спрашивал одно и то же, чуть меняя слова местами, и вопросы эти по нелепости и бессмысленности могли посоперничать с бредом самого тяжелого психически больного. Хан физически чувствовал, как и сам понемногу сходит с ума.

Следователь интересовался, с кем знаком Хан, когда встречался, когда созванивался, когда его газета выигрывала тендер, на какую сумму. «Да как можно досконально помнить, что случилось в феврале пять лет назад?» – хотелось взвзвить Хану, но он терпеливо пытался вспомнить и спокойно отвечал.

Новые вопросы задавались так, что складывалось впечатление: либо у Сабирова память как у рыбки и он не помнит, что ему отвечали пять минут назад, либо Хана упорно пытаются поймать на нестыковке.

– Знакомы ли вы с людьми, передавшими условия тендера? – в очередной раз спрашивал следователь.

Да как же не знаком, если только что подтвердил, что он с ними встречался? Хан сдерживал негодование, собирался с силами и снова участвовал в этом нелепом фарсе. А следователь всё продолжал и продолжал...

И вся суть дела по итогу сводилась к одному – показаниям руководителя управления внутренней политики Жамбылской области Раисы Трухамбетовой.

Эта женщина в самом деле звонила Хану с сообщением, что акимат формирует бюджет на год, и предлагала газете поучаствовать в тендере. Заказ был крошечный, о чем Хан ей и сказал, добавив, что на таких проектах газета просто не окупится. Вот заказ миллионов на шесть уже можно рассмотреть, а два погоды не делают. Трухамбетова ответила, что подумает.

Вот, собственно, и всё. И больше ничего, совершенно ничего, кроме этого безобидного разговора, в сути дела не было. И тем не менее допрос длился и длился...

Вечером следователь объявил перерыв, и Хан вместе с адвокатом спустился на первый этаж, где находилась служебная столовая. Следователь пошел на выход и там выписал пропуск ожидавшемуся их адвокату Амантаю Асану. Он произвел на Хана приятное впечатление. Юрист сообщил, что его отыскала бывшая супруга Хана, Айнур. «Молодчина!» – похвалил её Хан про себя. Не задумываясь, он принял твердое решение, что Асан станет его вторым адвокатом.

Скоро допрос возобновился и длился до поздней ночи.

К концу его все выдохлись, сильно устали. Хан чувствовал себя так, словно его выпотрошили. Он посмотрел на адвокатов: они хоть и выглядели усталыми, но видом своим выражали твердость, уверенность в правоте, сдержанную радость. Пока следователь с помощником суетились, собирая аппаратуру, адвокат Салимов, не сдерживая чувств, похлопал Хана по плечу и сказал:

– Ханеке! Овчинка выделки не стоит! Без проблем вытащим вас из этой грязи! Думал, что имеет место какая-то взятка, ну, хотя бы в размере пятисот долларов. Оказалось, что нет ничего криминального, ни одного факта нарушения закона с вашей стороны! Порвем и растопчем их! Держитесь смелее!

В первом часу ночи Хан вновь оказался в своей удушливой камере. Проснулся он с робкой надеждой, что новый день подарит приятные новости. Прибыли конвоиры, привычно заковали в наручники и повезли в Нацбюро. Стояло тускло-бледное морозное утро. Хану, по-прежнему одетому в осенний плащ и летнюю обувь, холод сковал руки, пробрал до костей. Да и пустой желудок не добавлял оптимизма.

Вновь начался беспомощный процесс допроса. Следователь Сабиров продолжил задавать свои глупые вопросы. Он явно не тянул на уровень своей нынешней должности: ни знанием, ни профессионализмом, ни опытом. Мало того, он был просто малограмотен. Подписывая протокол допроса, Хан на одной странице находил более пятидесяти грамматических ошибок.

Но не это его злило и раздражало. Сердило то, что следователь был совершенно несамостоятелен: через каждые тридцать-сорок минут он с очередной отпечатанной страницей допроса выбегал в соседнюю комнату и возвращался от-

туда с переписанным текстом (явно была видна рука другого человека). То есть им командовала целая группа невидимых следователей. Дошло до того, что в том незримом кабинете начали править даже показания защиты. Любые попытки апеллировать к здравому смыслу были решительно отвергнуты Сабиловым.

Почувствовав со стороны защиты упорное несогласие с процедурой ведения допроса, «помощники» следователя предприняли яростный психологический штурм. Они бесцеремонно входили, шагали взад-вперед, слушали показания подозреваемого, потом внезапно исчезали. Один зайдет, посмотрит на Хана изучающе, постоит, произнесет какую-то глупость, второй хлопнет по плечу, мол, всё равно признаешься, осклабится во весь рот, покружит по кабинету – и вместе уходят.

К одиннадцати часам в кабинет следователя завели незнакомую Хану женщину. Позже выяснилось, что это и есть та самая Трухамбетова – руководитель департамента внутренней политики Жамбылской области. Она тихо вошла, вся сжавшись в комок, и присела на указанное кресло. Посмотреть на Хана, поздороваться с ним ей не хватило духа.

«Ух, вот какая ты, гнида! Другой тебя я и не представлял!» – злобно подумал Хан.

На вопрос, знают ли они друг друга и в каких отношениях состоят, она ответила с заученной поспешностью. А дальше понеслось... Раиса Трухамбетова безбожно врала. Так врала, что у Хана уши краснели! Долго и нудно она рассказывала, как делала техническую документацию под газету Хана, чтобы та выигрывала в тендерах, как, сколько и в какие годы получала на госзаказах. А потом бессовестно заявила, что в Asia Times намеренно печатались разгромные статьи с целью вымогательства средств – якобы за изменение редакционной политики. Да еще и заявлял ей это лично Жумабаев.

Хан, трясаясь от негодования и стараясь не глядеть на эту бессовестную женщину, сказал следователю, что объем государственного заказа и имя победителя решает не аким области и не лично Трухамбетова, а портал электронных закупок, и что сам он никогда ей не звонил и тем более ничего не вымогал. А тот единственный разговор, который состоялся между ними, был простым обсуждением будущего госзаказа, и да, он действительно заявил тогда, что тендер меньше чем на шесть миллионов тенге газету не интересует, но это было не вымогательство, а констатация факта. И нет, объем заказа никак не был связан с положительным или негативным характером статей, потому что так вопрос вообще не стоял. Если же под его газету специально подгонялась техническая документация, то преступление тут совершал не он, а государственные чиновники.

И вот это простейшее дело обсуждалось часами, в течение которых следователь отклонял вопросы адвоката, а сам повторял одно и то же. При этом он то и дело выскакивал из кабинета для получения ценных указаний, а после возвращения у него появлялись десятки новых вопросов, по сути своей повторявших старые.

Как только закончилась очная ставка, следователь Сабилов опять оставил сторону защиты на полчаса. А когда он вернулся, адвокаты заметили, что ответы чиновницы переписаны и исправлены во многих местах.

Адвокаты сделали замечание следователю о грубом нарушении закона с его стороны, на что Сабилов ответил:

– Тут только запятая исправлена!

Хан был ошеломлен беззаконием, которое творилось в кабинетах Нацбюро, и чувствовал себя отвратительно. Тлеющие внутри него искорки надежды таяли, заставляя сжимать кулаки из-за творящейся несправедливости. Было понятно: следствие ведут так, чтобы сделать его виновным.

– Ханеке, спокойствие! – заметив его эмоции, сказал адвокат Амантай Асан. – Мы обо всем этом безобразии сделаем специальную пометку на подписании протокола допроса. Тем более ведется видео- и аудиозапись.

Это слегка охладило пылавшую в Хане злобу и вселило надежду. Какие они были наивные! Ближе к завершению допроса следователь Сабиров дал Хану на ознакомление постановление с квалификацией его вины.

Посоветовавшись с адвокатами, Хан написал под протоколом допроса свое мнение. Его поразила потрясающая наглость следствия, переходящая все границы. Из него рвался крик, но он молчал, скрипя зубами.

«Я не доставлю им этого удовольствия. Молчание – это тоже голос мести человека, которого безвинно истязают», – злился Хан.

Следователь Сабиров всем своим видом выказывал крайнее недовольство законными действиями защиты. При этом его лицо принимало такой вид, что подобного выражения Хан никогда не наблюдал. Дьявол, встретившись с ним, заплакал бы – вот какое противное было у него лицо!

Итак, к вечеру все бумаги были подписаны. Сабиров с ними укатил в прокуратуру. Хан остался в кабинете один под неусыпным вниманием конвоя.

В горле он ощутил вязкий и горький привкус. Хан попытался проглотить слюну и тут понял, что это такое. Это был вкус лютой ненависти... Оказывается, в таком состоянии рот человеческого пересыхает, а злость не дает дышать, сковывая горло.

Тихо спустился вечер, ползучими плетями протянулись первые тени, и стало совсем зябко. Воцарилась тягостная тоска и скука.

Ожидание гудка

Нервная нагрузка, переохлаждение организма из-за резких перемен климата, произвол со стороны следователей сразу отразились на здоровье Хана. Начала беспокоить простата, он зачастил в туалет, что заметно нервировало конвоира, вынужденного неустанно сопровождать его туда и обратно.

Синий ноябрьский вечер холодел в проеме окна, когда наконец зашел Андрей Ким и объявил, что суд, который определит для него меру пресечения, состоится сегодня в двадцать часов в Алматинском районном суде Астаны.

Хана бросило в жар: сообщат ли об этом его адвокатам, чтобы те успели прибыть на суд? Это опять было наивное предположение: суд не состоялся бы без участия адвокатов!

Холодное, разлившееся в груди отчаяние делало его внешне спокойным. Но внутренне он уже готовился к худшему. Еще бы! Раз Сабиров и все его подчиненные трудились по-стахановски и сходили с ума от желания как можно скорее водворить Жумабаева в СИЗО, происходящее, безусловно, не сулило ему ничего хорошего.

Значит, о свободе надо забыть! Ну в самом деле, не станут же они так торопиться, чтобы его выпустить на волю?! Но Хан не терял присутствия духа. «Не те времена на дворе, чтобы известного журналиста страны, руководителя Международной писательской организации, не виновного ни в чем, засадить за решетку».

Вокруг него, сидящего в кабинете следователя, гудела и плескалась поздняя осень 2016 года. Только недавно были избраны депутаты Мажилиса, парламента страны. Что ни говори, там немало людей, которые прекрасно знают его и способны сказать свое слово в его защиту. По Конституции страна выбрала демократический путь развития. А в демократическом государстве, как известно, только суд может лишить свободы человека.

Его оптимистические мысли прервал Андрей Ким, который, видимо, решил поддержать Хана перед предстоящим судом.

– Скажите честно, что сегодня меня ждет в суде? – без обиняков спросил Хан.

– Вы упустили свой шанс, – ответил Ким и добавил: – Если бы вы умерили свои амбиции, то скоро вышли бы отсюда.

– Неужели упекут в СИЗО? – не сдавался Хан. – Есть же другие варианты: домашний арест, освобождение под залог, под поручительство?

– Ваше дело под особым контролем. Вы же известный человек в стране. Всё может быть, хотя...

И, не закончив свою мысль, Ким покинул кабинет.

Слова следователя не вселяли особого оптимизма, наоборот, подтверждали самые грустные предположения. Хан взял ручку и бумагу и, пока до суда оставалось время, начал составлять список вещей, необходимых в тюрьме. Прежде всего требовалась теплая одежда...

Скорый суд

Вечером Хана повезли в здание суда. Стоял трескучий мороз. Конвоиры, одетые по-зимнему, посмотрели с сочувствием, но всё же надели на его руки ужасно холодные «браслеты».

В здании суда было безлюдно, у входа его встретили астанинские друзья, дальние родственники, адвокаты. Все на вид унылые, потерянные, убитые абсурдной ситуацией. Каждый по-своему старался подбодрить и утешить.

Прокурор уже сидел в зале заседания и, никого не замечая, торопливо знакомился с делом. Скорее всего, впервые видел бумаги, подготовленные работниками Нацбюро. Да и зачем ему читать о деле, тратить зрение, если ему уже давно сказали, какое решение вынести?

Судью пришлось ждать минут сорок. Зашел он таким важным и неприступным, словно участвовал в работе Нюрнбергского процесса.

Слово предоставили Хану. Он сказал, что ни в чем не виновен, попросив освободить его из зала суда. Выступили и оба адвоката, потребовав выпустить подзащитного Жумабаева на свободу под залог.

Но судья отказал, ссылаясь на тяжесть инкриминируемой статьи. Отклонил он и предложение поместить его под домашний арест в Астане. Адвокаты аргументировали это состоянием здоровья подзащитного, наличием двух малолетних детей, возрастом и немалыми заслугами, высокими наградами, но все эти доводы судье были «по барабану».

Приговор был краток: арестовать Жумабаева на два месяца с содержанием в СИЗО.

Пока судья находился в совещательной комнате, адвокат показал Хану небольшой телесюжет, где депутаты Мажилиса потребовали у руководителя Агентства по борьбе с коррупцией Алдамжарова прокомментировать арест Хана.

Тот в ответ заученно отчеканил: «Он не арестован, а задержан. Подозревается в вымогательстве путем шантажа и использования медиаресурсов против первых руководителей государственных органов. Сейчас следствие только начато. Поэтому все подробности позже. Я хочу вас заверить, что следствие будет открытым. Мы будем свидетелями предоставления всех тех доказательств, которые будут добыты в ходе расследования. Что нужно было, мы уже сказали».

«С голоду не помрете!»

После суда поздним вечером Хана повезли в СИЗО. У него шумело в голове, события последних двух дней ярким калейдоскопом проплывали в сознании. Он всё еще не мог поверить в то, что оказался в таком нелепом положении. На душе скребли кошки. Как такое суровое и непредвиденное решение суда

перенесут в его семье, воспримут дети, особенно любимая трехлетняя дочурка, родственники, что сейчас происходит в его редакциях, что пишут о нем, о его неожиданном задержании другие СМИ? – эти вопросы острым гвоздем сверлили истерзанный мозг.

– Какие там условия в СИЗО, ребята? – спросил Хан у конвоиров.

– Условия терпимые. С голоду не помрете! – ответил ему парень, сидящий слева.

– А камеры на сколько человек?

– Разные. Есть такие, где по пятнадцать-двадцать человек, есть и двух- и четырехместные.

Подъехали к ИВС, чтобы забрать его вещи. Хан был до предела измотан и задержан допросами, решением суда и всем происходящим. Смертельно хотелось спать.

– Ребята, а нельзя ли мне переночевать в ИВС? А уже утром доставили бы в СИЗО, – предложил он конвоирам.

«Выплюсь в камере, где содержался один, а там хоть трава не расти! Будь что будет!» – рассуждал он.

– Вряд ли разрешат. Но спросим, – ответили ему конвоиры.

– Ни одной секунды не имеем права задерживать вас у себя. Ответственность за вас уже несут конвоиры и работники СИЗО. Теперь вы не наш калач, – таков был неутешительный ответ офицера, который возвращал Хану личные вещи и продукты, переданные родственниками.

По пути машина завернула направо, и они вошли в уютное и холодное здание.

– Это СИЗО? – спросил Хан, хотя не особо рассчитывал на ответ.

– Нет, – нехотя буркнул усталый небритый конвоир. – Еще не СИЗО. Это судмедэкспертиза.

– И что нам тут делать? – изумился Хан.

– Проверят сохранность ваших костей, – хмыкнул его собеседник.

«Пусть проверят!» – рассудил Хан, раздеваясь догола в промозглой и грязной комнате под присмотром хмельного мужика в замусоленном белом халате.

Тот осмотрел Хана со всех сторон, снизу и сверху, попросил присесть несколько раз, под конец задал один дежурный вопрос, явно не имея в виду никакой заботы о последственном:

– На здоровье не жалуетесь?

– Нет, – в тон ему ответил Хан, тоже прекрасно понимая, что на состояние его тут всем совершенно наплевать.

На том и покончили.

Теперь их путь лежал напрямик в СИЗО.

И вот темной и морозной ночью они подъехали к серому и мрачному зданию, отделенному от живого мира колючей проволокой. Под ногами скрипел снег.

Хан намеренно шел не спеша. То и дело поднимал голову к небу, плотно усыпанному звездами. Ему казалось, что темная сеть ночи вот-вот порвется на мелкие нити, не в силах удержать этот таинственно сверкающий улов. Он понимал, что не скоро теперь увидит такую божественную красоту. Ведь в эти минуты у него отнимали не только свободу, но и восход-закат солнца, луну. Небо было звездное, и мириады сверкающих точек безмолвно и равнодушно прощались с Ханом. А вместе с ними прощалось его прошлое.

Хан глянул назад, на конвоиров, и ему показалось, что кусок его жизни, отвалившись, уходит прочь.

В СИЗО

– О, великий Тенгри, прощай! Дай мне силы в этих казематах! Сделай так, чтобы наше расставание было недолгим! – воскликнул Хан, и его ввели в небольшое двухэтажное здание.

– Лицом к стене! Ноги шире! – тут же последовала громкая команда, четко давая понять, куда он попал.

Конвоиры расписались в учетной книге.

– Жалоб нет на конвоиров? – поинтересовались из небольшого окошка.

– Нет, – ответил он и кивком попрощался с вежливыми парнями.

Это была проходная СИЗО. Сквозняк здесь гулял всюду, а Хан всё стоял лицом к стене. В таком положении он проторчал около сорока минут. Под конец он уже начал подумывать, что о нем все позабыли.

Но ничто не длится вечно, наконец к нему подошли два конвоира, и один из них процедил:

– Налево! Руки назад!

Долго шли по коридору, потом свернули во двор. Затем был узкий туннель шириной в два метра, забранный со всех сторон жестяной проволокой.

«Я в тюрьме», – осознал Хан, шагая куда-то в неизвестность впереди молчаливых конвоиров, вооруженных резиновыми палками, пистолетами, наручниками, фонариками и другими прибамбасами. Тяжелая железная дверь проскрипела очень громко и протяжно. Но это было только преддверие ада. Его завели в ярко освещенный коридор, по обе стороны которого расположилось несколько небольших камер с круглыми стеклянными «глазелками» величиной с глаз фонарика. Позже он узнал, что это небольшое трехэтажное здание тюремщики называют колокольней. Оно действительно всем своим видом напоминало небольшую церквушку. Здесь обыскивали новых заключенных, «шмонали» до встречи с адвокатом и после, когда увозили на допрос к следователю и по возвращении оттуда, именно через это здание приходилось идти при свидании с близкими и после.

– Заходите! – прозвучала команда из смежной комнаты.

В ней в поте лица трудились трое надсмотрщиков: майор полиции и двое сержантов. В комнате справа были расположены четыре деревянные кабины без дверей. Перед надсмотрщиками стоял длинный шмональный стол.

– Сюда, в эту кабину! Раздевайтесь догола. Одежду сбрасывайте на стол! – объяснил майор и изучающе посмотрел ему в лицо.

– Вы, по-моему, журналист? Редактор? – вдруг неожиданно спросил он.

– Да, – ответил Хан.

В комнате сильно воняло потом, плесенью. В кабине было грязно и холодно. Брезгуя, он не хотел снимать обувь, но сержант оказался настойчив.

Когда Хан полностью разделся, сержант облачился в белые перчатки, с шиком бывалого прозектора звонко щелкнул резиной по запястьям, а потом потребовал:

– Нагнуться и раздвинуть ягодицы!

– Да что там можно спрятать? – удивился Хан. – Это обязательно?

– Разговорчики! – оборвал его сержант, но всё же снизошел до разъяснений: – Прячут много всего. Чего мы только там не видели!

Хан беспрекословно проделал уже известную ему процедуру – о, как быстро привыкает человек к любому унижению, переставая с нервным страданием реагировать даже на грубые чужие руки, лезущие к нему в отверстия, не предназначенные для взгляда посторонних.

– Ну, как там? – с иронией спросил Хан. – Свободой не пахнет?

Надсмотрщик привычно воспринял его шутку, видимо, слышал её частенько. А может быть, подумал про себя: «Эх, голубчик, ты скоро не так запоешь, через пару недель навсегда забудешь свой юмор».

– Раздвиньте пальцы рук... Ног... Откройте рот...

Экзекуция продолжалась минут десять, пока другой сержант не «обшмонал» всю одежду.

Проверка закончилась, но Хану предстояло еще одно нелегкое испытание – встреча с сокамерниками. «Как вести себя правильно? Кем они будут?» – эти вопросы клубком смотались в его голове.

Выходя из комнаты «шмона», он поинтересовался у майора, можно ли забрать с собой продукты, привезенные из ИВС. Тот нахмурился, но потом нехотя согласился:

– Ладно, забирай!

Опять его конвоировали по проволочному коридору. И вот они подошли к большому одноэтажному барaku. От внешнего серого мира СИЗО его отгораживала железная дверь. Конвоир долго барабанил в нее, пока не подошел сержант и не отворил ворота.

– Принимай знатного гостя! – пафосно произнес конвоир и передал Хана сержанту.

Но тот то ли не впечатлился, то ли не узнал Хана, и с равнодушием подтолкнул его вперед.

– Руки назад! Шагом марш вперед! – Хан зашагал по длинному коридору, по обе стороны которого были расположены многочисленные камеры с железными дверьми. – Направо! Стоять лицом к стене!

По запаху сырой одежды Хан понял, что они попали в каптерку. О! Знакомые запахи для тех, кто служил в армии. По стенам висели разного цвета и размера куртки, бушлаты, на толстой батарее сохло стираное белье.

Сержант был старшим дежурным по корпусу. Внимательно изучив лицо, бросив беглый взгляд на костюм, туфли и рубашку арестанта, он дружески признался, что частенько видел Хана по телевизору. Поинтересовался, по какой статье тот подозревается.

В пахнувшей мылом и потом каптерке выдали ему соломенную подушку, матрац-рухлядь, дырявое одеяло, две простыни, наволочку. Хан попробовал отказать от них, сказав, что они вовсе непригодны, заменить бы на другие. Сержант согласился с его недовольством и в приказном тоне велел каптерщику найти матрац и одеяло посвежее. Вскоре с постельными принадлежностями, свернутыми в рулон, Хан шагал вглубь коридора в сопровождении дежурного по корпусу. Было около двенадцати ночи. Конечно же, отбой объявлен давно. В коридоре горел приглушенный свет, по радио звучала тихая музыка.

Несмотря на ночь, сержант со страшным грохотом открыл все засовы и замки двери, на которой Хан увидел номер – «612». Это раскатистое гремяхание он воспринял как начало отсчета времени его пребывания в тюрьме.

«Что там, за этой жуткой дверью?» – этот вопрос волновал Хана больше всего, когда он стоял перед дверью камеры лицом к стене, повернувшись туда уже безо всякого напоминания сержанта.

Продолжение в № 10, 2024.